

**ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ
В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**

© 2009 Р.В. Кауркин

Нижегородский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11.05.2009

В данной статье представлен анализ новой читательской среды из «подлого сословия» и ее влияния на динамику издательской деятельности и распространение книг в России.

Ключевые слова: история России XVIII в., книгопечатание, формирование дворянской читательской среды, формирование читательской среды «подлого сословия».

Вторая половина XVIII в. отличается от первых пятидесяти лет столетия по многим факторам, в том числе по количеству изданий. На это время приходится 87% всех вышедших за век книг¹.

По данным В.В. Сиповского прослеживается следующая погодная динамика (рис. 1)².

Последующие исследователи несколько корректируют цифровые данные В.В. Сиповского³, но в целом отмечают ту же тенденцию. Например, А.Г. Болебрух пишет, что если с 1725 г. по 1740 г. было напечатано 240 книг, по данным «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в. 1725-1800 гг.», а в 1763 г. – 121, то уже в 1786 г. – 276, а в 1788 – 457⁴.

Особенно быстрыми темпами рост книгопечатания, как видно из графика, начался после опубликования «Указа о вольных типографиях» 15 января 1783 г. Если с 1761 г. по 1781 г., по данным Н.В. Здобного, открылось только две частных типографии – Гартунга и Вейтбрехта⁵, то после указа частные типографии возникают не только в провинциальных городах, но даже и селах⁶.

О росте книжной продукции косвенно свидетельствует и сопоставление каталогов книгопродавцов. Например, у К.В. Миллера в 1778 г. было 532, а в 1788 г. уже фигурирует 967 номеров⁷.

Тираж книг, замечают исследователи, как правило, колебался в среднем от 600 экземпляров до 1800⁸. Если эти цифры взять за исходные, то получается, что в 1788 г. книг было издано более полумиллиона. В то время, и в предыдущее десятилетие с 1771 по 1780 г., как показало исследование И.Ф. Мартыновым архивных фондов ЛО ААН, убытки только Петербургской академической типографии составили около 85 тыс. рублей⁹. Не лучше обстояло дело и в середине века. С 1728 г. по 1756 г. «...по существу единственным в России учреждением, занимавшимся распространением книг гражданской печати, была Петербургская академия наук. На всю стра-

ну она имела всего лишь две книжные лавки: одну в Петербурге (с 1728 г.) и другую в Москве (с 1749 г.). В период 1749-1753 гг. ... этими книжными лавками было распродано около 64 тыс. экземпляров различных книг (в том числе около 46,4 тыс. – в Петербурге) на общую сумму около 25 тыс. рублей. Напечатано же в типографии Академии наук в этот период было не менее 140 тыс. экземпляров различных книг (исключая периодические издания). Таким образом, сбыт изданий был сравнительно слабым. К 1754 г. в книжных лавках скопилось 110 тыс. экземпляров нераспроданных книг»¹⁰. В связи с этим уместно поставить вопрос о том, что изменилось за это время: цены, читатель, книга?

Некоторые даже добросовестные исследователи несколько однозначно, на наш взгляд, подошли к решению данной проблемы. Вот, что пишет по этому поводу И.Ф. Мартынов: «Воспользовавшись знаменитым указом «О вольности дворянства», сотни гражданских и военных чиновников после 1762 г. оставили государственную службу и навсегда переселились в свои родовые усадьбы. Духовное и интеллектуальное влияние этих вчерашних горожан, сохранивших тесную связь со столицами, на провинциальное общество привело к серьезным переменам в его патриархальном, устоявшемся за века жизненном укладе. Не менее важным событием для русской провинции была осуществленная правительством Екатерины II в 1770 – 1780-х гг. административная реформа. Настоятельная потребность в компетентных, широко образованных людях... способствовала быстрому росту провинциальной интеллигенции»¹¹. Из этого утверждения следует, что именно дворяне являлись основной массой провинциальной читательской среды. Но ведь еще В.В. Сиповский, изучая литературу XVIII в., цитировал одного из современников того периода: «...любителями романтической литературы у нас были не только благородные, но среднего и низкого степени люди, а особенно купечество, весьма охотно во

*Кауркин Радислав Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета.
E-mail: rad-kaurkin@mail.ru.*

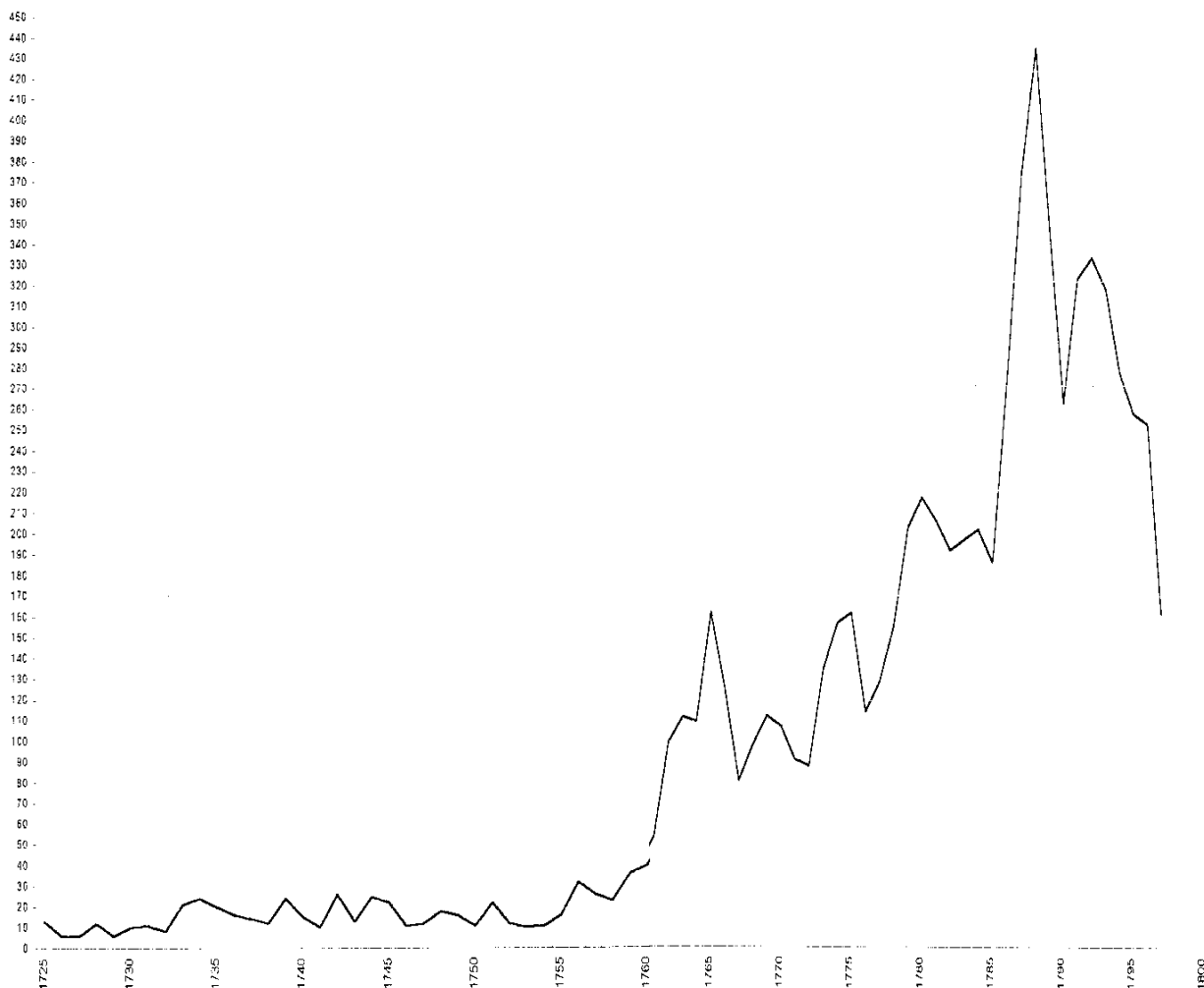

Рис.1. Погодовая динамика выпуска книг

всякого рода книг упражняются... чтение книг вошло у нас в великое употребление: ибо... не только просвещенное науками благородное общество, но и всякого звания люди с великою охотою в том упражняются¹². Так кто же из авторов прав? Разберемся сначала с ценами.

“Покупатель, располагавший, к примеру, тремя рублями, имел такой выбор: на эти деньги он мог приобрести, скажем, лошадь или же двухтомное “Описание земли Камчатки” С.П.Крашениникова. Для сравнения приведем цены на некоторые ходовые товары, продававшиеся в Москве в 1750 году: 1 пуд железа – 56 коп., 1 пуд мыла – 1 р. 75 коп., ... 1 пуд свинины – 55 коп., 1 пуд осетрины – 80 коп.,... 1 пуд меду – 1 р. 65 коп., ... 1 фунт паюсной икры – 4 коп., ... 1 фунт кофе – 35 коп., 1 фунт пороху – 18 коп., ... сапоги – 30 коп.”¹³. При этом необходимо отметить, что годовое жалованье, например, профессора Петербургской академии наук в это время составляло 660 рублей, а у адъютанта – 360 рублей¹⁴. Рассматривая 60-е гг., М.М. Штранге пишет, что книги “стоили очень дорого, в размере чуть ли не месячного заработка малооплачиваемых служащих. Поэтому в большинстве случаев они покупались на короткий срок для прочтения и выпи-

сок, после чего перепродавались, что способствовало тем самым расширению читательской среды”¹⁵. В подтверждение этого он приводит замечание М.Д.Чулкова о том, что многие мелкие канцелярские служащие кормились в те годы “переписыванием разных историй, которые продаются на рынке”¹⁶.

В 1773 г. Н.И.Новиков писал в своем “Живописце”: “Живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги... Продающаяся в Петербурге книга по рублю доходит туда... в три рубли, а иногда и больше”¹⁷. Столь же высокими оставались цены и в 80-е и в 90-е гг.¹⁸

Несмотря на это, в книге В.Березайского “Анекдоты древних пошехонцев”, вышедшей в 1798 г., читаем: “... за весьма немного перед сим лет торговать книгами у купечествующих не почиталось торгом. Если ими и перебивали некоторые частные люди, то без всякой коммерческой дальновидности и где же? Стыдно сказать, в Толкучем, вместе с железными обломками, наряду с падовым, на рогожах, или на тех самых ларях, в коих на день цепных собак запирали, так что и подойти бывало страшно. Да какия же и книги были? Коли не сплошь, то большей час-

тью... иноземщина – старь – запачканная – ну суший дрязг! ... Господа купечествующие... блинами, кислыми щами и другим сим подобными мелочами торговать они считали для себя выгоднее, нежели сею душевную пищу... Но ныне, благодаря умудрению и деятельности ума человеческого, какое различие! ... в лавку войдешь, словно какой модный магазин; не вышел бы – какая чистота – какой порядок – есть на что полюбоваться и из чего выбрать для препровождения с пользою времени. Одних сочинительных имен напечатано в Москве целая книга, да и то еще только опыт; а сколько переводов и говорить нечего. Судить об них не наше дело. Довольно, что публика узнала вкус в чтении”¹⁹.

Частично ответ на вопрос, почему книжная торговля с начала 60-х гг. неуклонно растет, необходимо искать в географическом расширении рынка сбыта. В 1763 г. директор Петербургской сенатской типографии С.С.Волочков предложил столичным и иногородним торговцам оптовые партии книг с большой уступкой “для разводу их по городам и провинциям на продажу”²⁰. То же самое, но с меньшим успехом из-за высоких цен, предпринимают директора Петербургской Академии наук В.Г.Орлов и С.Г.Домашнев²¹. Московский университет освоил провинциальный рынок только в середине 80-х гг. “Повышение спроса на книги с издательской маркой университета было вызвано не столько улучшением форм и методов их сбыта, сколько общим ростом культурного уровня русских провинциалов”²², – отмечает И.Ф.Мартьянов.

С наибольшим успехом книжную торговлю в провинции смог реализовать Н.И.Новиков, который организовал обширную торговую сеть. “Как свидетельствуют дошедшие до наших дней донесения провинциальных цензоров, к концу 1780-х гг. новиковские издания продавались в книжных лавках Ярославля (посадский человек Ф.И. Скобенников), Казани (купец И. Рюмин), Нижнего Новгорода (директор экономии П.И. Прокудин), Симбирска (Приказ общественного призрения), Севска (купец П.Ф. Хорошавин), Орла (чиновник Н.И. Попов), Архангельска (купцы С. Болотный и Е. Борзов), Тобольска (купцы С.Гунин, Г.Дьяконов и П.Мелков) и Иркутска (мещанин М.Красногоров)”²³. Именно Н.И. Новиков смог реализовать на практике идеи М.В. Ломоносова, высказанные им еще в 1758 г. в своем проекте, по которому “что есть старых книг и все, что печатается, отдать на откуп доброму купцу с надлежащими процентами”²⁴. Ломоносов не единожды высказывался за распространение грамотности, просвещения “по всему народу”. Он мечтал, что “не токмо по губерниям, но по провинциальным и по уездным городам разойдутся и распространятся книги, а с ними учение и общенародное просвещение”²⁵.

Решающим фактором в процессе роста спроса на книги во второй половине XVIII в. была все-таки не деятельность блистательного издателя Н.И.Новикова, а новая читательская и писательская среды, которые образовались к этому времени. Появился большой слой читателя из “подлого народа” и писатели, которые были близки ему и по идеям, и по языку – М. Чулков, М. Попов, М. Комаров, В. Левшин и другие.

Н.И. Новиков в 1775 г. в предисловии к третьему изданию журнала “Живописец” обратился к читателям со словами, в которых объяснял успех издания только тем, что “благосклонное приятие первым двум изданиям сего труда моего ободрило меня приступить к третьему. Если бы я был самолюбив, то сей скорый расход “Живописцу”, неотменно поставил бы на щет достоинства моего сочинения, но будучи о дарованиях своих весьма умеренного мнения, лучше соглашусь верить тому, что сие сочинение попало на вкус мещан наших, ибо у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся... Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечно для них темницею назначенных”²⁶.

А.Протасов в предисловии к “Домашнему лечебнику” Х.Пекена писал, что он адресован “простому народу, а особенно жителям отдаленных провинций...”²⁷.

Особую популярность в 60-70-е гг. получили произведения Михаила Чулкова и Федора Эмина²⁸. М.М.Штранге пишет по этому поводу: “Издавая свои сочинения, Чулков внимательно следил за вкусами и склонностями рядового читателя, того, кто по его выражению “учится только одной грамоте, да и то на медные деньги” (Пересмешник. Ч.1. Предупреждение. СПб., 1766). Книги Чулкова изобиловали зарисовками быта, народными оборотами речи, пословицами. Они как бы противопоставляли себя запоздалому классицизму русских дворянских писателей 50-60-х гг., чуждому народной культуре. По своему содержанию “Пересмешник” и некоторые другие книги Чулкова в какой-то мере перекликались с “Письмовиком” Курганова. Все они были написаны для одной и той же среды с целью “услужить одноземцам” (Краткий мифологический лексикон. Предупреждение. СПб., 1767) приохотить их к печатному слову и, надо сказать, Чулкову... это удалось. Один из корреспондентов Чулкова писал ему в 1769 г., что слава о нем как об авторе разнослась “по всем частям Петербурга, а особливо по гостиному двору” (И то и сию. 7 неделя). Все его произведения многократно переиздавались и значительно умножили число читателей”²⁹.

М.Д. Чулков был далеко не единственным, как уже говорилось выше, писателем, который

писал для “подлого народа”. На запросы третьего сословия ориентировался в своей издательской работе и Богданович. В конце века было издательство Решетникова, которое практически полностью ориентировалось на крестьянскую среду. Еще А.Л. Шлецер писал в свое время, что “полуобразованный русский с необыкновенною охотою берется за всякое чтение; особенно любит он отечественную историю”³⁰.

О повышенном интересе к книге в провинции говорит и тот факт, что в 1778 г. Тульский приказ общественного призрения принял в дар от священника Гавриила 400 книг с условием, чтобы каждый желающий мог пользоваться ими. В 1786 г. то же самое сделал нижегородский чиновник Х.Х. Граве. Он передал народному училищу более 100 книг³¹.

Н.М. Карамзин отмечал, что “едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрасло, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель”³².

К концу XVIII в. стремление к самообразованию путем чтения книг и серьезный интерес к литературным произведениям сказывался во всех слоях русского общества³³. Это подтверждают и исследователи. В монографии М.М. Штранге о демократической интеллигенции России XVIII в. читаем: “... круг людей, читавший произведения или переводы разночинной интеллигенции, не замыкался только купеческой средой, хотя... и она была достаточно многочисленной и активной. М.Н. Сперанский, много занимавшийся изучением “среднего” и “низового” читателя XVIII в., пишет, что различные книги “читались и списывались мелкопоместным дворянством в столицах и в провинциях, мелким служилым людом, мещанством и купечеством, низшим духовенством и грамотным крестьянством”. Высшие же круги общества, по его мнению, почти не участвовали в этой деятельности. Эти доводы Сперанского подтверждаются свидетельством большого знатока книжного рынка 70-80-х гг. писателем из крепостных М. Комаровым. ...Таким образом, кроме рядового дворянства и складывающейся русской буржуазии, имелась еще другая читательская среда. На ее существование указывают многие современники. Она состояла из “мелкотравчатых”... грамотных людей с ограниченным образованием, полученным не столько в школах, сколько путем непосредственного чтения сначала “Письмовика” Курганова, месяцесловов и других общеобразовательных книг, а затем и более серьезных чтений”³⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что подъем издательской и книготорговой деятельности во второй половине XVIII в. был опреде-

лен двумя факторами: во-первых, образованием широкой недворянской читательской среды, на которую ориентировались писатели демократического направления³⁵, во-вторых, переносом массы книжной торговли из Санкт-Петербурга и Москвы в провинцию.

А.Г.Болебрух, исследуя в своей кандидатской диссертации общественно-политическую мысль в России второй половины XVIII в., делает следующий вывод: “Если в XVII в. и в некоторой степени и в первой половине XVIII в. печатные произведения в основном забавляли читателей, заполняя их досуг, то во второй половине века от автора начинают требовать серьезного подхода к действительности, отражения противоречий, их оценки, поиска причин, породивших настоящее положение вещей”³⁶. Если не акцентировать внимание на некоторой претенциозности этого утверждения по поводу “начинают требовать серьезного подхода”, то в целом это верное замечание. Российскому классицизму, а именно он господствовал в литературе 40-50-х гг.³⁷, на протяжении всего восемнадцатого столетия был свойственен пафос высокой гражданско-патриотической одической поэзии³⁸ и государственно-дворцовой прозы³⁹, которые в целом далеко отстояли от интересов разночинно-простонародной читательской среды⁴⁰.

Еще в середине XIX в. Н.Н. Булич отмечал, что наша литература на первых порах своего существования не могла быть народной. “У народа была своя литература: песни и сказки, большею частью переходившая из рода в род живым словом или в рукописи. Наша печатная литература... началась отрицанием этой народности. Ей нужно было разом создать все литературные формы, известные на Западе. Она существовала для высшего общества, а оно было воспитано в европейских понятиях о литературе. Поэтому нашим писателям была одна дорога – подражание тому, что существовало уже в Европе. Их дело было пересадить на нашу почву цветы чужого климата. Поэтому и Сумароков был искусственным писателем. Он отвернулся от народности, смотрел на нее враждебно и всю жизнь хлопотал о том, что “явить России театр Расинов”⁴¹. Это подтверждают и последующие исследования.

Емкую характеристику классицизма дает Д.Д. Благой, указывая на то, что основной чертой “высоких” жанров является абстрагирование от конкретного – единичного, индивидуального, частного. Это построение, основанное на рационалистических нормах “должного”, некой умопостигаемой, “разумной” действительности, приподнятой над реально существующим – “непросвещенной” живой жизнью, “пестрой” и беспорядочной повседневностью⁴². Таким образом, в основе творческого метода классицизма лежит не конкретно-образное мышление, а мыш-

ление преимущественно отвлеченными логическими категориями⁴³.

На это неоднократно указывал и Ю.М.Лотман, отмечая, что высокая литература была своего рода эталоном, по которому читатель должен себя перестроить. Обычная для европейского классицизма учительность литературы приобрела на русской почве совершенно особый смысл, поскольку подразумевала, что общество еще не создано, что его еще предстоит создать. Причем авторы ориентировались на будущего, а не на настоящего, на идеального, а не на реального читателя⁴⁴. Все это, несомненно, не способствовало запросам недворянского читателя.

Исходя из этого становится понятным поведение писателей типа А.П.Сумарокова, который требовал от Академии все новых и новых изданий при нераспроданности предшествующих⁴⁵. Тираж, издание, в подобных случаях, выступая как престижный элемент, фокусировался через призму “должного”, а не “реального”. При коммерциализации же издательского дела в последней трети XVIII в. ситуация меняется в корне – несколькими изданиями печатается то, что имеет спрос. Именно в это время окончательно сложилось, по выражению М.Ю.Лотмана, “культурное многоязычие”, при котором социальные полюса – крестьянин и дворянин – окончательно потеряли общность культурного языка⁴⁶.

В начале XVIII в. литературный язык являл собой некую синкретическую систему для всей читательской массы. “Элементы высокого стиля, церковнокнижной речи переплетаются в нем с просторечием. Слова, заимствованные из немецкого, польского, голландского, – с бытовой лексикой. Витиеватые обороты, идущие от латинских образцов, перемежались с весьма примитивными формами конструирования фразы”⁴⁷. В конце же столетия ученые выделяют “две струи”, из которых одна все более и более освобождается от церковно-славянских элементов, сближаясь с языком народным, а другая предстает в виде “испорченного Ломоносовского языка высокого штиля”, т.е. как форма гениального образца, но лишенная “зидительного духа”⁴⁸.

Появилось четкое деление литературы по линии – “высокая” и “низкая”. И именно “низкая”, для которой характерными были прозаические жанры, дает резкое увеличение изданий с 60-х гг. Начинается усиленная количественная и социально-культурная дифференциация читателей.

Как отмечают исследователи, в 30-50-е гг., пока таких читателей, в виду весьма малого распространения грамотности было еще очень немного, они удовлетворялись чтением рукописных и оригинальных повестей и “гисторий”, которые в большом количестве стали появляться в русской литературе во второй половине XVII – первых десятилетиях XVIII в.; в период утверждения клас-

сцизма третировались представителями последнего в качестве литературы “непосвященных” низов, но продолжали бытовать в этой среде – усиленно переписываться, перерабатываться. Однако в связи с распространением грамотности и ростом “среднего рода людей” – “третьего сословия”, – спрос на повествовательную литературу все увеличивался⁴⁹. Литературная и издательская деятельность писателей типа М. Чулкова, М. Комарова, В. Майкова, М. Попова “сломала” в последние трети XVIII столетия классицизм⁵⁰.

Русская литература, по выражению Д.Д. Благого, начинает уходить из “кастово-сословной”⁵¹ замкнутости в общенародность, от мышления рассудочными образами-схемами (например, “Мстислав”, “Хорев”, “Дмитрий Самозванец” у А.П.Сумарокова), образами-аллегориями⁵² (например, “Петиметр”, “Щеголь”, “Французоман” у А.Д. Кантемира), – к мышлению художественными образами самой действительности (например, Митрофанушка у Д.И. Фонвизина); от рационалистического способа конструирования некоего условно-литературного мира (например, публицистика Ф. Прокоповича) – к “художественному отображению и воссозданию жизни во всей ее полноте, широте и глубине, а тем самым и к реализму как творческому методу, этому наиболее отвечающему”⁵³ (например, песни М. Попова, комедии Д. Фонвизина, басни И. Крылова, “Путешествие из Петербурга в Москву” А. Радищева, “Пригожая повариха” М. Чулкова).

Из всего вышеизложенного следует, что именно новая читательская среда, состоявшая из “подлого” сословия, была первопричиной мощного взлета издательской деятельности и распространения книг в России во 2-й половине XVIII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Сакулин П.Н. История новой русской литературы. Эпоха классицизма. М., 1918. С.39.
- 2 Сиповский В.В. Из истории русской литературы XVII в. Опыт статистических наблюдений. СПб., 1901. С.8-10.
- 3 Причиной разногласий является критерий отбора изданий.
- 4 Болебрух А.Г. Передовая общественно-политическая мысль 2-й пол. XVIII в. и царизм (на материалах деятельности цензурных органов). Днепропетровск, 1979. С.22.
- 5 Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX в. М., 1955. С.71.
- 6 Болебрух А.Г. Указ.соч. С.22.
- 7 Малейн А.И. Книжные росписи XVIII века. //Труды института книги, документа, письма. Вып.5. М.-Л., 1936. С.41.
- 8 Хотеев П.И. Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. Л., 1989. С.6.
- 9 Мартынов И.Ф. Книга в русской провинции 1760-1790 гг. // Всесоюзная научная конференция “Книга в России до середины XIX века. Л., 1976. С.20.
- 10 Тюличев Д.В. Ломоносов М.В. об организации академической книжной торговли // Всесоюзная научная конференция “Книга в России до середины XIX века. Л., 1976. С. 35.

- ¹¹ Мартынов И.Ф. Указ.соч. С. 109-110. Схожая позиция отражена и у Штранге М.М. в его работе “Демократическая интеллигенция России XVIII века”. М., 1965.
- ¹² Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. Вып. 1. Т.1. СПб., 1909. С.72.
- ¹³ Хотеев П.И. Указ. соч. С.5.
- ¹⁴ Там же. С.52.
- ¹⁵ Штранге М.М. Указ. соч. С. 214.
- ¹⁶ И то и сио. СПб., 1769. 10 неделя.
- ¹⁷ Сатирические журналы Н.И.Новикова. М.- Л., 1951. С.442.
- ¹⁸ Только издательство Н.И.Новикова, делая скидку в 25%, успешно распродало свою продукцию. См.: Шамрай Д.Д. Продажа в губернских и провинциальных городах Академией наук своих изданий (1767-1769 гг.)// Труды института книги, документа, письма. Вып.5. М.-Л., 1936. С.157; Адрианова В. Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI-XVIII вв. СПб., 1912. С. 17, 92-104.
- ¹⁹ Цит. по кн.: Сакулин П.Н. Указ.соч. С.40.
- ²⁰ Санктпетербургские ведомости. 1763. № 104. 30 декабря.
- ²¹ Мартынов И.Ф. Указ. соч. Л., 1976. С.20.
- ²² Мартынов И.Ф. Книга в русской провинции 1760-1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С.115.
- ²³ Мартынов И.Ф. Указ. соч. Л., 1976. С.29-30.
- ²⁴ Цит. по: Тюлицев Д.В. Указ. соч. С.36.
- ²⁵ Там же. С.35
- ²⁶ Новиков Н.И. Влияние русской литературы второй половины XVIII века на общественные нравы, законодательную деятельность правительства и государственное управление. Керчь, 1905. С.169.
- ²⁷ Пекен Х. Домашний лечебник или Простой способ лечения... на российский язык переведен Алексеем Протасовым, Академии наук экстраординарным профессором и доктором медицины. СПб., 1765. Предуведомление.
- ²⁸ История русской литературы XI-XX вв. М., 1983. С.104.
- ²⁹ Штранге М.М. Указ.соч. С.216-217.
- ³⁰ Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим описанная // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1875. Т.ХIII. С.50. Цит. по: Штранге М.М. Указ. соч. С.214.
- ³¹ Санктпетербургский вестник. 1778. Ч.1. Май; Московские ведомости. 1786. №91. Цит. по: Мартынов И.Ф. Указ. соч. Л., 1978. С.110.
- ³² Цит. по: Штранге М.М. Русское общество и французская революция. 1789-1794. М., 1956. С.60.
- ³³ Туманов М.Н. Указ.соч. С.236.
- ³⁴ Штранге М.М. Указ.соч. М., 1965. С.226.
- ³⁵ Демократическое направление в литературе XVIII века понимается нами как направление, которое обслуживало широкие слои населения в противовес продворянски ориентированному классицизму.
- ³⁶ Болебрух А.Г. Борьба русского самодержавия с передовой общественно-политической мыслью во второй половине XVIII века. (На материалах деятельности цензурных органов). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Днепропетровск, 1972. С.63.
- ³⁷ Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. Изд. 2-е. Т.1. М., 1979. С.36.
- ³⁸ История всемирной литературы. Т.5. М., 1988. С.360.
- ³⁹ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С.179.
- ⁴⁰ Кауркин Р.В., Титков Е.П. Михаил Чулков. Творческое наследие. Арзамас, 2000. С.18.
- ⁴¹ Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С.99, 120. См. например: Из истории русской культуры (XVIII – нач. XIX в.) Т.4. М., 1996.
- ⁴² Благой Д.Д. Указ.соч. С. 38. Используя литературоведческие понятия “классицизм”, “барокко” и др., мы считаем возможным пользоваться этими определениями в историческом исследовании в силу утвердившейся традиции. В первую очередь, для нас важна социальная ориентация произведения в виде “высокого” и “низкого” стилей как синонимичность понятий “дворянин” и “народ”, при всей условности образовательного и культурного уровней. Следовательно, такие слова, как “классицизм” или “реализм” служат не инструментом научного описания, а только лишь его объектом. См.отри: Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – нач. XIX в. // Из истории русской культуры XVIII – нач. XIX в.). Т.4. М., 1996. С.127.
- ⁴³ Благой Д.Д. Указ.соч. С.38.
- ⁴⁴ Лотман Ю.М. Указ.соч. С.108.
- ⁴⁵ Там же. С.107.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Черепанов М.С. Возникновение периодической печати в России. М., 1955. С.27.
- ⁴⁸ Грот Я.К. Карамзин в истории русского литературного языка //Филологические разыскания. Т. 1. СПб., 1876. С. 69.
- ⁴⁹ Благой Д.Д. Указ.соч. С.85.
- ⁵⁰ Лотман Ю.М. Указ.соч. С.123.
- ⁵¹ Благой Д.Д. Указ. соч. С.24.
- ⁵² Лихачев Д.С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Избранные работы в трех томах. Т. 3, Л., 1987. С.408, 414-415.
- ⁵³ Благой Д.Д. Указ.соч. С. 24; См. так же: Лихачев Д.С. Указ.соч. С. 419.

FORMATION OF RUSSIAN READERS' CIRCLES IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

© 2009 R.V. Kaurkin

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The dramatic growth of book printing could be observed in Russia during the second half of the XVIII century, especially after the Decree on Free Printing Houses of 1783. This process was to a certain extent smoothed by a kind of newly generated readers' audience, quite different from the nobility, namely, the circles of readers of lower classes (“mean estate”) origin. That was the audience that publishers of the Catherine the Great's epoch seemed to be targeting at.

Key words: history of Russia of the XVIII century, book printing, reader's audience of nobility and lower classes.